

Лёля Сакевич

Фрам-фаталь

из-под Смоленска

Аллея

Лёля Сакевич

Фам-фаталь из-под Смоленска

Издательство "Руда"

2019

УДК 82.3 + 94 (47)
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Сакевич Л.

Фам-фаталь из-под Смоленска / Л. Сакевич — Издательство
"Руда", 2019 — (Аллея)

ISBN 978-5-6043363-6-6

Женский исторический роман-эпопея о периоде жизни баронессы Дельвиг – Софьи Салтыковой, с момента знакомства ее с декабристом Каховским до второго замужества. Книга о мнении общества и его влиянии на умы юных барышень в описаниях жизни декабристской эпохи. Для широкого круга читателей.

УДК 82.3 + 94 (47)
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-6043363-6-6

© Сакевич Л., 2019
© Издательство "Руда", 2019

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лёля Сакевич

Фам-фаталь из-под Смоленска

Все исторические события и личности представлены с авторской точки зрения. Не говорю, что так было, но так легко могло быть.

Неужели удел женщин – приносить горе любимому, особенно если он талантлив и велик? Не зря Экклезиаст пишет, что горше смерти – женщина!

Переписка Абельяра и Элоизы

© Издательство «Руда», 2019

© Л. Сакевич, 2019

© В. М. Пингачёв, иллюстрации, 2019

Часть первая

*Отвергнутую страсть он вспоминал
Иль чувствовал вражды смертельной жало —
Ничье живое сердце не узнало.*

Дж. Г. Байрон

Лошадь была превосходной. Арабка безупречной черной масти, норовистая и быстрая, будто стрела, она, однако же, имела отвратительный характер. Верно, отлично зная себе цену, кобыла негодовала: отчего она вынуждена стоять в кустах столько времени, пряча ото всех свое прекрасное тело, изящные длинные ноги и гордый вид? Такая красавица, как она, должна блистать на императорском манеже, а не пылиться в лесу у забытой богом деревушки. Недовольно заржав, лошадь переступила с ноги на ногу и уткнулась носом в плечо хозяина.

Нужно, однако, сказать, что молодой человек, тайно поглядывавший на дорогу из-за черемуховых кустов, хозяином этой лошади вовсе не был. Такая дорогая кобыла ему была явно не по карману. Тщательно вычищенный, но вышедший из моды два сезона назад сюртук скучного коричневого цвета и светлый цилиндр не первой свежести говорили о том, что бумажник юноши девственно чист и лишен каких-либо обременений. И все же горящие глаза и громко стучащее сердце могли уверить любого, что отрицательный баланс на счете в банке – это временное, легко исправимое недоразумение.

Ожидание затягивалось. Нетерпеливая натура юноши стала брать свое: он принялся нервно расхаживать перед лошадью, сорвал пруттик, изломал его в прах, пробормотал что-то неподцензурное. Арабская красавица повела ушами – вдалеке, от барского дома, послышался топот копыт.

Молодой человек радостно воскликнул, вскочил в седло и наскоро попытался придать себе надменно-скучающий и по-байронически печальный вид. В кустах это сделать не удалось: ветви черемухи лезли в лицо и пачкали только утром почищенный сюртук. Пришлось выехать на дорогу и встать наперерез путникам.

За поворотом послышался девичий голосок, от которого внутри у молодого человека все сжалось и затрепетало. Не зря он простоял здесь два часа – это она, она!

Раздался звонкий смех, и из-за кустов стрелой выскочила миниатюрная всадница в алой амазонке с легкой вуалью на шляпке.

Вслед за ней выехала дама лет тридцати, медлительная и спокойная. Чуть в отдалении маячил конюх.

Девушка в алом, увидев на пути всадника, резко осадилась лошадью и недовольно воскликнула, но, близоруко сощурившись, узнала представленного ей вчера молодого человека. Войтельница мило надула губки, придав себе официальный вид.

– Доброе утро, Софья Михайловна, – приподнял цилиндр юноша и непозволительно счастливо просиял. – Какая... э... приятная... встреча... И до чего неожиданная!..

Он стушевался, забыв все обороты, выученные с вечера.

– Здравствуйте, Петр... Простите, запамятовала...

– Григорьевич.

– Ах, да, действительно! Петр Григорьевич, – девушка окликнула спутницу:

– Катерина Петровна, познакомьтесь – это Петр Григорьевич Каховский, кузен моей тетушки, Натальи Ивановны.

– Я знакома с Пьером, – процедила Катерина.

Старая дева жила в доме генерала Пассека на положении воспитанницы, хоть на самом деле и являлась внебрачной дочерью его отца. С Каховским Катерина была в, мягко сказать, натянутых отношениях с самого детства. Будучи старше Пьера на пять лет, мадемуазель никогда не испытывала снисхождения к его выходкам.

Ухмыльнувшись с сонной иронией, Катерина Петровна обратила внимание на несоответствие внешности их собеседника и его прекрасной лошади. Но Петр Григорьевич, не замечая ее косых взглядов, принялся гордо гарцевать перед всадницами, принимая важные позы и подкручивая нафабранные усы – предмет своей гордости и постоянных ухаживаний.

– Коли мы так случайно встретились и, ежели вы, мадемуазель, не против, то позвольте сопровождать вас! – с жаром воскликнул он, в душе продолжая костерить себя последними словами.

Прекрасная амазонка снизошла до крошечной улыбочки – уж больно забавно смотрелся этот пылкий молодой человек.

– Что ж, извольте. Но с условием, что не дадите нам скучать. Предупреждаю, если наша Катерина хоть разок зевнет – а она у нас большая любительница этого дела, – то вы, любезный Петр Григорьевич, отправитесь восвояси. Договорились?

– Даю слово! – гордо поднял руку Каховский и пристроил свою лошадь рядом.

Какое-то время ехали молча. Лес уступил место живописному полю, на котором поспевал второй за год урожай пшеницы. Работавшие в поле бабы, увидев всадников, склонились до земли и не разгибались, пока те не проехали мимо. Обычно в такие моменты Пьер яростно негодовал по поводу неискоренимого российского рабства, но не сегодня. Нынче его мысли были посвящены другому, куда более увлекательному предмету. Глядя на нежный профиль амазонки, он яростно пытался отыскать тему для беседы и не находил.

Видя неловкость кавалера, Софья взяла нить разговора в свои опытные ручки.

– Видите ли, Петр Григорьевич, мы с батюшкой недавно приехали погостить к дяде из столицы. Пару месяцев назад я окончила пансионат господина Плетнева – кстати, с отличием. Ах, Петр Александрович – гений... Так вот, нынче нас пригласил дядюшка, потом нас ждет Смоленск, а позже, к самому сезону, мы вернемся в столицу. Я, знаете ли, уже второй сезон выхожу в свет – княгиня Храповицкая взяла меня под опеку!

Каховский скривился: Лиз Храповицкая, прославленная звезда смоленского бомонда, была достаточно близко ему знакома. Как, впрочем, и еще паре сотен мужчин, которых она с радушием привечала в своем будуаре. Муж княгини, генерал-интендант, прославился более похождениями своей ветреной женошкы, нежели собственными военными подвигами. Да, такая скандальная дамочка – не совсем подходящая наставница для столь милой и чистой барышни, как Софья Михайловна Салтыкова. Милой и чистой. Милой...

С небес на землю его вернул каверзный вопрос Катерины:

– Позвольте поинтересоваться, любезный Петр Григорьевич: откуда у вас такая великолепная лошадь? Ваша, вероятно, уже издохла?

Каховский побелел – эта гусыня намекает на его бедность! С трудом сдержавшись, он язвительно произнес:

– Смею вас уверить, любезнейшая Катерина как-вас-там, что моя лошадь жива-здоровая, только расковалась. По счастью, это недоразумение произошло неподалеку и не принесло больших хлопот. Эту же прекрасную арабку, купленную на соседнем конном заводе, я вызвался переправить ее новому хозяину Павлу Ивановичу Пестелю в Васильево. Что я и намерен делать. И довольно проводить мне допрос!

Катерина Петровна хотела было напомнить, что Васильево находится далеко в стороне отсюда, но не рискнула – слишком уж яростной была гримаса Каховского. Но тут колокольчиком прозвенел смех Софьи, отчего лицо молодого человека сразу же смягчилось.

– Почему ты так не любишь Петра Григорьевича, Катерина? – с хохотом спросила девушка. – Ты набросилась на несчастного юношу и готова растерзать его за любое слово!

Пьер самодовольно улыбнулся:

– Катерина Петровна до сих пор не простила мне моего эксперимента. В детстве я увлекался натурализмом, и как-то раз в суп мадемуазель попала пара сушеных жучков. Уточню – это произошло совершенно случайно!

Софи расхохоталась еще сильнее, а покрасневшая Катерина Петровна зашипела:

– Это были пауки! Куча черных, огромных пауков! О, это было отвратительно! Ты, самодовольный... бессовестный... Ах!

Она резко развернула свою лошадь, яростно хлестанула ее и умчалась к дому. Конюх, почесав в недоумении затылок, поспешил за ней. Софи с хохотом проводила их взглядом, а Каховский довольно улыбнулся:

– И заметьте, любезная Софья Михайловна – Катерина Петровна ни разу не зевнула! Скучно ей не было. А теперь позвольте без ее язвительных замечаний проводить вас до дому, ведь конюх уехал, а одной вам никак нельзя оставаться.

– Вы поразительный человек, Пьер! – Софья улыбнулась так, что Каховский едва не упал с лошади. – Вы единственный, кто смог вывести эту старую деву из сонного состояния! Даже дяде, прославившемуся своей колкостью и язвительностью на всю округу, этого никогда не удавалось! Скажите, отчего вы вчера так скоро уехали? Почему со мной не разговаривали?

Пьер побледнел – причину своего вчерашнего поведения он осознал уже ночью, пока не спал и марал бумагу глупыми нескладными виршами (увы, поэтического дара у него не было). Но признаваться в своих чувствах на этом скомканном свидании он не планировал. Потупившись, он пробормотал:

– Позвольте не отвечать сейчас на ваш вопрос... Я... я не чувствую за собою сил ответить в данный момент... Но если вы позволите навещать вас, милая Софья... Михайловна... Для меня не будет большей радости... возможно, впоследствии...

Софи, видя мучения молодого человека, с благосклонностью царицы, подающей вместо милостыни горсть бриллиантов, протянула ему свою руку. Он с жаром прильнул губами к крошечной ручке, затянутой в замшевую перчатку.

– Приходите к нам нынче же, Петр Григорьевич. Вы веселый человек, сможете расшевелить наше маленькое скучное общество. Мой отец – хмурый чернокнижник, Катерина Петровна – нудная сова, а тетушка – глупая блеклая водоросль. Лишь один дядя умеет посмеяться! Далее я поеду без вас, Пьер. Незачем давать повод дядюшке для нелестных комментариев на мой счет, а то он и надо мной шутить начнет.

Каховский оглянулся – он не заметил, как они подъехали к самой усадьбе.

– Жду вас вечером. До скорой встречи! – пропело неземное создание и ускакало к дому, полускрытому посреди пышных фруктовых деревьев.

* * *

В свои неполные восемнадцать лет Софья Михайловна Салтыкова уже чувствовала себя весьма опытной в печальной науке разбитых сердец. Романтическое приключение с Константином (а-ах, Константин!..), окончившееся, так и не начавшись, всколыхнуло ее небольшую семью еще в столице. Батюшка тогда бушевал неимоверно. Сие приключение, можно даже сказать, недоразумение, заставило сразу после окончания обучения в пансионе перебраться сюда, в Крашнево, в большое поместье под Смоленском.

Вместе с отцом, Михаилом Александровичем Салтыковым, она приехала в деревню к его младшему брату, генералу Петру Пассеку. Хоть эти два толстяка и имели разные фамилии, но были братьями по матери.

О молодости их мамы ходили легенды. В то время по двору бродил пикантный слух, что Александр Салтыков, будучи отъявленным игроком и проиграв абсолютно все, поставил на кон жену и также проиграл ее. Но Софи была уверена, что решение было за самой женщиной – ее бабушка в свое время слыла первой красавицей столицы и могла позволить себе детей от разных мужчин. Это делало ее в глазах восторженной внучки еще более привлекательной. Конечно, восемнадцатое столетие подразумевало более легкие нравы, чем нынешний чопорный до сухости век, но все же... Уйти к другому мужчине при живом муже, не побояться скандала в свете – на это способна лишь истинно сильная и уверенная в себе женщина!

Софи часто смотрела на портрет кисти Левицкого, где бабушка, еще молодая Мария Сергеевна, была изображена с великолепной пышной прической, увенчанной широкополой шляпой с премилым корабликом. Взгляд ее больших глаз был лукавым и в то же время завораживающим.

Софи подошла к зеркалу, гордо подбоченилась и приняла точно такую же позу, как на портрете. Попыталась придать своему лицу столь же лукавое выражение – получилось не очень, но потренироваться стоит. Девушка, отразившаяся в зеркале, имела круглое личико, большие темные глаза и густые каштановые локоны (свои, не накладные букли). Недовольно сморщив носик – он был чуть шире, чем следовало бы – Софи томно вздохнула и перевела взгляд на портрет. Нет, до такой красавицы ей еще далеко. Но первые успехи уже налицо, и вчерашний вечер тому подтверждение.

Вчера пришло письмо от подруги по пансиону, Александры Семеновой. Та, в числе многих других историй, поведала о вычитанном в одном старом французском романе способе очарования под названием «Уплывающий, подобный одинокому лебедю, под сень печали взор». Софи заинтересовалась – ведь глупые мушки (под левым глазом – охлаждение, над губой – страсть и прочая ерунда) уже не используются, да и мужчины сейчас на такие мелочи внимания не обращают, им все любопытней на ножку посмотреть. Но это, это было нечто куда более интересное!

Смысл «уплывания» кавалера в заоблачные дали любви заключался в первом взгляде, брошенном на него красавицей. Как прелестница на несчастного посмотрит, так у них отношения и сложатся. Но важно не просто посмотреть. Здесь, как говорит дядюшка-генерал, важна «стратегия».

Приметив нового кавалера, дама должна каким-то движением привлечь к себе его взгляд (повернуться или просто резко закрыть веер). Затем, стоя в пол-оборота к «объекту» (слово тоже из богатого лексикона дядюшки), необходимо бросить мимолетный взгляд прямо в глаза несчастного, потом опустить ресницы и посмотреть в противоположную от него сторону. Потом пройти по комнате, снова взглянуть в глаза и таким же плавным движением, но уже с маленькой улыбочкой, отвести взгляд от него в другую сторону. По теории, при таком подходе птичка попадет в силки с первой же встречи.

Оставалось опробовать старинный способ на современных мужчинах. Загвоздка была в том, что за то время, пока Софи жила в Крашневе, незнакомых мужчин в округе становилось все меньше. Испробовав взгляд на лакее Прошке («Барышня? Чаво изволите? В глаз, что ль, чавой-то попало?»), Софья было отчаялась, пока не услышала радостного возгласа тетушки из соседней комнаты и незнакомого мужского голоса, что-то говорившего с легким подкартавливанием. Что ж, вот вам и «объект».

Невысокий худошавый человек, лет двадцати трех – двадцати пяти, был представлен Софии как Петр Каховский, кузен тетушки, навещающий ее иногда и в данный момент вернувшийся из Смоленска. «Улетающий взор» был исполнен как по писаному, и, судя по всему, герой попался. Каховский, до прихода девушки что-то бурно и громогласно объяснявший кузине, резко замолчал на полуслове, побледнел и даже чуточку качнулся. Взгляд у него стал

затуманенным, улыбка глупой и кривой, и (нарочно не придумаешь!) даже немного отвисла челюсть! За весь вечер он не произнес и пары предложений.

«Вот так бабушкин способ!» – пролетело восторженное в голове у Софьи. И сегодняшняя встреча только подтвердила ее уверенность – Пьер ожидал ее в лесу, недаром он так принарядился и достал потрясающую лошадь, хотел произвести впечатление. Влюбился с первого взгляда, как в романе!

Вспоминая вчерашние и сегодняшние успехи, Софи улыбалась и все так же, глядя в зеркало, пыталась поймать ту неуловимую позу, которая давалась ее прославленной бабке с такой легкостью. От громкого звука сзади она едва не подпрыгнула.

– Ха-ха! Эта чертовка снова крутится у зеркала! Ты на нем дыру проглядишь, негодница! А зеркало старинное, денег невероятных стоит! – громогласно возвестил Петр Петрович, явившийся в комнату без стука.

Подобный огромной сдобной булке, он подкатился к племяннице, обнял толстыми ручищами и, щекотнув пышными бакенбардами, поцеловал в щеку.

– Вы напугали меня, дядюшка.

– Ничего, переживешь, – Пассек по-хозяйски уселся на диван, насильно притянул Софью к себе, прижал к толстому животу и весело подмигнул: – Ах, стрекоза! Скажи-ка мне честно, что ты сделала с Катериной? Я, сколько не бился, никогда ее до такого состояния довести не мог: влетела словно фурия – руками машет, глазами сверкает, как бы умишком не тронулась, с нее станется. Вот бы мы повеселились!.. Поделись секретом со стариком, не темни!

В дверь царапнулась горничная, пригласила к чаю. Софи поднялась и потянула дядюшку за собой в столовую.

– Идемте, Петр Петрович. Вы же знаете, тетя не любит, когда опаздывают на чай.

Он с легкостью, не свойственной его возрасту, подскочил и поспешил за ней, по пути с хитрой улыбкой грозя пальцем:

– Ах, стрекоза, отвечать не хочешь! Ну, смотри, придется перед всеми говорить. Ты же меня знаешь – я не отстану!

– Знаю, дядюшка, знаю.

В столовой за небольшим столом сидела хозяйка, Наталья Ивановна, еще красивая приятная женщина, и отец Софьи, Михаил Александрович, уткнувшийся в книгу пятидесятилетнего господина, по невнимательности намазавший пирожное не вареньем, а горчицей. Такой же толстый, как и его младший брат, но всегда более рассеянный и менее эмоциональный. Стул Катерины Петровны был пуст.

Пассек, как всегда шумный и веселый, приказал лакею налить себе чаю, и, пока тот ловко орудовал приборами, подтолкнул его под локоть. Под громогласный хохот хозяина по белоснежной скатерти растеклось пятно. Слуги моментально засуетились, хозяйка спокойно подняла на мужа глаза:

– Петр, ты как всегда несносен.

– Что ты, голубка моя! Я просто опечален! – сияя каверзной улыбкой, ответил он и подмигнул Софье. – Ах, я как расстроен, что Катерина Петровна нынче не составила компанию нашему приятному во всех отношениях обществу! Кстати, где она?

– Бедняжка мается мигренью, я уговорила ее прилечь.

– Ха-ха! Софи, твой выход, – хохотнул Пассек, – отчего вдруг наша Катерина приболела головой?

Все поглядели на девушку, она потупилась:

– Сегодня мы, в сопровождении конюха, совершали прогулку на лошадях. Ездили совсем недалеко, до ближайшего леса, где случайно встретили Петра Григорьевича. В разговоре он упомянул что-то из детства, по-моему, что-то о насекомых, и Катерина Петровна... э-э... расстроилась.

– Ха-ха! Расстроилась!.. – генерал помирал со смеху, вновь расплескав свой чай. – Натали, твой кузен с детства потешался над этой... этой...

– Петр, прекрати, – спокойно выдохнула хозяйка, но Пассек не унимался.

– Я люблю этого мальчишку! Уж больно он бойкий и дерзкий! Натали, ты помнишь, как Катерина обронила свой платок, а он насыпал в него сажу и подал ей с галантнейшим видом?! Нет, это было нечто потрясающее! Эта курица полдня ходила с черным носом!

Софи, представив такую картину, захохотала не хуже дядюшки.

– Пьер был шустрим мальчиком, – с легкой улыбкой произнесла Наталья Ивановна.

– Это очень галантный молодой человек, – добавила Софья. – Я пригласила его сегодня на ужин...

Пассек, склонившись над чашкой, насмешливо хрюкнул:

– Все, пропал мальчонка. А как хорошо начинал, мог бы как я, далеко пойти...

– Петр, ты несносен, – вновь напомнила ему тетушка, но он лишь покачал головой.

* * *

Этим вечером Катерина Петровна, сидя за клавирами, пела для дорогого гостя. Безусловно, специально, дабы помучать Пьера, она брала си-бемоль четвертой октавы с истинно пороссячим визгом, заставляющим бокалы и люстру подозрительно хрустеть, а слушателей то и дело морщиться. Из всех собравшихся пение сие был обречен слушать лишь Михаил Александрович, да и то, листая книжку и предусмотрительно заткнув ватой уши.

Тетушка стоически делала вид, что внимает пению, с особым ожесточением и яростью обмахиваясь веером именно в те моменты, когда Катерина брала особенно высокую ноту. Пассек раскладывал на столике огромный пасьянс «могила Наполеона» и спокойно попивал из бокала (в ушах его тоже предусмотрительно торчала вата), а Каховский и вовсе развернулся спиной к певице и склонился над Софьей, наблюдая, как та вышивает.

С точки зрения обольщения ракурс был правильный, он открывал обзор на юные прелести в глубоком вырезе полосатого платья. Но Софи понимала, что обольщать молодого человека уже нет смысла – птичка давно беспомощно билась в силках. Пьер склонился к уху барышни.

– Софья Михайловна, мне очень любопытно... Это может показаться бестактным, но все же расскажите, о чем вы мечтаете?

Девушка коварно улыбнулась – понятно, Каховский ожидает, что она начнет расписывать свою будущую семейную жизнь в окружении множества детишек, и что рядом с ней будет такой человек, как он. Поэтому Софи промурлыкала, мечтательно подняв глаза к потолку:

– Я планирую открыть самую известную в Петербурге литературную гостиную. Хочу, чтобы ко мне приходили поэты, писатели и журналисты, мечтаю проводить чтения и обсуждения новинок литературного мира. У меня будут выступать лучшие музыканты и певцы, – она хихикнула и указала веером на Катерину: – Скажу вам прямо, не такие, как эта мадемуазель! Ах, Пьер, я мечтаю, чтобы салон Софии Салтыковой мог соперничать с первыми салонами столицы, чтобы все звезды издательского мира почли за честь быть принятыми у меня! Такие гениальные люди, как господин Жуковский, Боратынский, барон Дельвиг и, разумеется, Пушкин – вот те, кого я мечтаю видеть у себя!

Пьер изменился в лице – он немного нахмурился, но быстро совладал с собой.

– Любите русскую поэзию – это делает вам честь, Софья Михайловна. Многие дамы высшего света не признают родного языка, считают его грубым и бессмысленным, предпочитая читать и общаться на французском. Но вы – особенная! Вы знаете, Софья Михайловна, я уважаю гения и восхищаюсь им, но с его словами не согласен.

Пьер продекламировал на ухо Софье:

*Я знаю: дам хотя́т заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!..*

Или вот это:

*...Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенья,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас.*

Это написал Пушкин, что-то из его нового, неопубликованного. Я с ним общался, будучи проездом в Одессе. Повторюсь, милая Софья Михайловна, как бы я не любил и не чтил это несомненное дарование, но в вопросе о женском образовании с Александром Сергеевичем не согласен. Женщина, если она ценит гениев своей родины, если она любит свой язык – это сокровище, коему нет равных. И вы – такая...

Софи восторженно просияла и дотронулась до руки Пьера, отчего тот вздрогнул.

– Каховский, вы тоже любите этого волшебника?! Боже, Пушкин гений, он бог, он творец! О, я в восторге от него!

Пьер жалобно сглотнул и прошептал:

– Счастливцев... Как же я ему завидую...

– ...И снова она твердит о нашем шустром Сверчке! Я с вами, любезные мои! – раздался рядом голос Михаила Александровича. Он с неожиданной прытью отложил книгу и подсел к беседующим, в глазах его появился заинтересованный блеск. – Вы слышали, что Сашу сослали в деревню? Мальчишка снова слишком увлекся! Он всегда был крикун и мятежник, но, говорят, у него нашли какие-то невероятные, просто невозможные стихи!

– Отец, неужели ты присоединился к нам и отвлекся от своих Буало, Мольера и Монтеня? – засмеялась Софи.

– А так же от Расина, Корнеля и Фенелона, моя дорогая, – улыбнулся отец и поцеловал дочь в лоб. Потом поморщился и указал глазами на певицу: – Когда еще наша сирена замолчит, а так хоть намечается занимательный разговор...

– Михаил Александрович, вы сказали «сверчок», я не ослышался? – удивленно поднял брови Каховский.

Софи рассмеялась:

– Так называли Пушкина в «Арзамасе», литературном кружке, в котором отец тоже принимал участие.

Салтыков мечтательно вздохнул и тоже расплылся в улыбке:

– Вяземский у нас тогда был «Асмодеем», Блудов – «Кассандрой», Денис Давыдов звался «Армянином», и у меня был свой титул почетного гуся. Кстати, иногда я даже имел честь вести протокол заседаний. Веселые были деньки! Василий Андреевич Жуковский, он же «Светлана», шутливым тоном создал особую атмосферу в нашем кружке. Такую, что заставляла нас всех творчески фонтанировать, делать нашу критику над человеческими глупостями острой, но неназойливой. Ах, Петр Григорьевич, скажу я вам, любезный мой, что теперь бы не поняли, с какой целью создавался наш кружок. «Читать друг другу стишки, царапать друг друга кри-

тическими колкостями» – так было записано в шутовском уставе, – Михаил Александрович вздохнул и нахмурился: – Покуда кружок наш не превратился в общество... Вы знаете, сейчас это модно – вступать в различные общества и вести пропаганду того, о чем совсем не следовало бы и упоминать... А согласитесь, увещевать с помощью светлейших в империи умов несложно и весьма эффективно. Мы все были в «Арзамасе» слишком разные и разделила нас, увы, политика. Точнее, диаметрально противоположные взгляды на нее.

Каховский сощурился:

– Вы, Михаил Александрович, хотите сказать, что Пушкин тоже имел некие неосторожные воззрения и именно поэтому его нынче сослали? Признаюсь, мне он не показался серьезным человеком. Да, он гениальный поэт, но притом ловелас отменный и бретер, каких мало.

Софи хихикнула в веер, а отец согласно закивал:

– Точная характеристика для сорванца, Петр Григорьевич, точная. Не знаю, во что именно Сверчок сейчас встрял, скажу без обиняков – мог, разумеется, мог! Но в этой связи я должен сказать в оправдание «Арзамаса»: именно благодаря нашему кружку этот алмаз стал бриллиантом! Именно у нас талант этого зеленого юнца отшлифовался и юноша превратился в гения! Благодаря таким учителям, как Василий Андреевич, Пушкин стал Именем. Пусть, и гонимым в данное время. Но я уверен, что ненадолго. Пары од хватит, чтобы государь вернул его.

– Таких, как ода «Вольность»? – иронично поднял бровь Пьер.

Софи не читала этой вещи, но увидев реакцию отца – тот побагровел и насупился – поняла, что стоит прочесть, ведь любопытно же. Вероятно, в бумагах дядюшки эта ода может отыскаться, он всегда считался человеком радикальных взглядов.

– Нет, юноша! – строго заметил отец. – Такие оды ведут по одной дороге – в Сибирь. И не следует, если, разумеется, вы имеете планы на будущее, читать подобные вещи и обсуждать их в приличном обществе!

Каховский посерьезнел, выпрямился и сквозь зубы процедил:

– Любезный Михаил Александрович, по-видимому, вы сами прочли сию оду. И потому понимаете, что невозможно не восхищаться словами этими, и не поддерживать автора:

*Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира, трепещите!
А вы – мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!*

Каково, а? Кстати, смею заметить, я уже не мальчик, так позвольте мне самому решать, каких я должен придерживаться взглядов, и каковы мои планы на будущее!

Софи скривилась – глупый Пьер, нельзя в таком тоне разговаривать с ее отцом! Салтыков падок на лесть, его легко задобрить, но подобной нахальности он никогда не простит. Михаил Александрович с каменным лицом встал, молча отошел к креслу у камина и демонстративно уткнулся носом в книгу. Причем, держал он ее довольно долго вверх ногами; после с кресла раздалось недовольное восклицание, и книга была перевернута.

– Ну вот, теперь неделю будет дуться, – прошептала Софи, а Пьер махнул рукой и тоже прошептал:

– Мне все равно, Софья Михайловна. Пусть хоть весь свет на меня обидится, лишь бы только вы глядели ласково.

Софи хихикнула и легонько пожала ему руку. В этот момент – к слову, совсем не вовремя – Катерина закончила выступление. Со стороны отчаявшихся слушателей раздался стон счастья, и они громогласно и совершенно искренне зааплодировали.

* * *

Через несколько дней Каховского провели в полутемную комнату, напоминающую имперскую библиотеку – она была сплошь уставлена книжными шкафами. Пьер огляделся: книги были повсюду, они громоздились не только в шкафах, но и на большом дубовом столе и даже возвышались стопками на полу. Лишь одна стена была свободной от книг – на ней красовался монументальный портрет дамы в полный рост, властный взгляд которой казался несколько знакомым. Тут же полыхал камин, с неслыханной для августа щедростью отапливая и без того нехолодное помещение.

В кресле у камина сидел молодой мужчина, лет тридцати двух-трех. В одном жилете (полковничий мундир висел на спинке кресла), с распахнутым по-домашнему воротом сорочки. У его ног, прямо на полу, положив головку на его колени, примостилось нежное создание – прелестная девушка, юная и свежая, как цветок. Мужчина задумчиво перебирал ее густые локоны – сцена сия была будто вырезана из французского романа, но, тем не менее, казалась столь естественной и интимной, что заставила Каховского несколько ступешаться.

В любой другой момент красота девушки кольнула бы Пьера, но не сейчас. Сейчас его сердце было занято другой.

– Петр Григорьевич, неужто вы? – изумленно поднял брови мужчина, заметив гостя.

Он встал, быстро надел мундир – ряд крестов блеснул в свете камина. Чуть прихрамывая, прошел через комнату и с силой, невероятной для такого невысокого человека, пожал руку.

– Не ожидал вас увидеть здесь, в Васильеве. Помнится, в прошлую нашу встречу в Тульчине вы не предупреждали о том, что собираетесь навестить меня нынче. Знаете ли, я даже не планировал заезжать к родителям, и большая удача, что вы застали меня тут. Познакомьтесь – Софья Ивановна Пестель, моя милая сестрица (девушка склонилась в реверансе и зарделась). Софи, это Петр Григорьевич, он приехал ко мне по делам. Ты иди, солнце мое, иди, а мы с господином Каховским побеседуем.

Прелестное создание упорхнуло, оставив своим именем занозу в сердце Пьера – за те дни, пока он не видел «свою Софи», он успел соскучиться.

Темные глаза полковника Пестеля подозрительно сощурились, полные губы плотно сжались; опершись двумя руками на дубовый стол, он исподлобья взглянул на гостя. Тонем, от которого некоторых пробирает до костей, а некоторых – прошибает в пот, хозяин процедил:

– Любезнейший господин Каховский, вам не следует вздыхать столь двусмысленным образом. Смее предупредить – это нежное создание не по вашу душу.

Пьер судорожно глотнул – нельзя ссориться с таким серьезным человеком, как полковник Пестель.

– Что вы, Павел Иванович! Уверю вас!.. Ни в коем случае! Просто ваша прелестная сестра напомнила мне о той, с кем я в разлуке... Ее тоже зовут Софией.

– О. Тогда прошу простить мою вспышку, – полковник указал ему на кресло, уселся сам, подал табакерку. Набивая длинный чубук, доверительно и более мягко произнес: – Знаете ли, Петр Григорьевич, Софи – единственная отдушина в этом сумрачном мире, которая держит меня в нем. И я... я желаю ей лишь добра. Признаюсь, порой бываю слишком резок с некоторыми господами, которые в последнее время все чаще стали навещать дом моих родителей. Все никак не могу привыкнуть, что моя маленькая девочка уже выросла и что пора подумать о ее будущем...

Каховский приободрился и, подкрутив ус, выпустил колечко дыма:

– Тоже должен признаться, дорогой Павел Иванович: я считаю себя счастливым. Ваш покорный слуга, пожалуй, один из немногих, кто видел ледяного полковника Пестеля, просла-

вившегося своей мраморной суровостью, сходным с живым, настоящим человеком. Семейные узы делают каждого из нас непохожими на себя.

Пестель выпрямился в кресле, его взгляд снова сковал Пьера:

– А вы, Каховский, храбрый человек, хоть и штатский, – легкая улыбка тронула его губы: – Мало кто из моих друзей, людей военных и прошедших через многое, осмелился бы на подобную реплику. Весьма похвально, только... Очень жаль, что вы не служите в полку. Могли бы принести неоценимую услугу отечеству.

– Я нынче в отставке по состоянию здоровья, но ранее имел честь служить государю.

– Служить государю – невелика честь, – скривился полковник, после чего жестко добавил: – Служение Отчизне – вот высшая награда для настоящего мужчины! Возможность проявить себя с лучшей стороны, доказать делами, а не бесполезной болтовней, что судьба России небезразлична ее сынам! – он немного задумался и другим тоном спросил: – А каковы ваши дальнейшие планы, Петр Григорьевич?

– Пока жду ответа на запрос, отправленный в Украину. Смею надеяться, что на месте, на которое подал заявку в Одессе, я зарекомендую себя должным образом, – Пьер запнулся и произнес более мечтательным голосом: – Только для начала я женюсь.

Пестель покачал головой и презрительно изогнул губы:

– Право, эта какая-то эпидемия, испепеляющая наши ряды подобно холере. Даже в моем полку – что ни месяц, то кто-нибудь из наших славных ребят падает рожой в грязь... Нет никакой возможности плодотворно работать. Но забудем об этом. Что привело вас ко мне?

Каховский достал из-за пазухи пухлый конверт и передал Пестелю:

– Выполняю поручение господина Пассека.

– Петра Петровича? Странно. Обычно от него приезжает другой человек. Посидите пока.

Полковник придвинул кресло ближе к огню, надел круглые очки, сильно портящие его мужественное лицо, и внимательно прочитал письмо. Подумав, бросил бумагу вместе с конвертом в огонь.

– Каховский, вы знаете, о чем пишет генерал? Он вам что-нибудь говорил о... наших общих делах?

– Полагаю, пишет о лошади. О чем же еще?

– Лошади?..

– О той прекрасной арабке, в которую я едва не влюбился. Я привез ее вам сегодня. Превосходная кобыла, жалею, что не имею средств, иначе упробовал бы вас продать ее мне.

Пестель вздохнул, в задумчивости потирая подбородок, прошелся по комнате.

– Нет, здесь идет речь не о лошади... Вести неприятные, впрочем, как и повелось в последнее время... Что ж, спасибо, что вы съездили в такую даль только ради моей кобылы, весьма мило с вашей стороны. Право слово, лошади – это моя слабость. Кстати, Петр Григорьевич, вы точно не имеете средств на нее? Я мог бы продать ее вам в рассрочку. Признаюсь, в полку настали тяжелые времена, и я вынужден изыскивать любые средства. Порой приходится делать это частным порядком, в обход официальных бумаг.

– Увы, – развел руками Каховский. – Денег нет, пока не будет ответа на известный вам запрос. Сюда я приехал на вашей красавице, ведя на поводу свою старую лошадь, возвращаться же придется на своей. Честно признаться, боюсь, как бы она не околела на середине пути, со старушки станется...

Тут в комнату просочился лакей и что-то зашептал на ухо полковнику. Тот отмахнулся:

– Передай, что не получится.

Лакей исчез, а через секунду на пороге возникла статная дама.

– Поль! Это бессовестно с твоей стороны! – возмущенно воскликнула она и с шелковым шорохом вплыла в комнату. Судя по всему, это ее портрет висел над камином, правда, с момента написания его прошло лет тридцать, не меньше. – Как это: «не получится»?!

И полковник Пестель, человек, при упоминании имени которого трепещут взводы солдат и офицеров (некоторые из коих, подобно впечатлительным барышням, падают в обморок от страха только при его строгом взгляде), эта глыба льда жалобно проблеяла:

– Маман, этот человек приехал ко мне по делам...

– Знать ничего не желаю! Я не хочу, чтобы твои друзья говорили между собой, что мать Павла Ивановича Пестеля – нерадивая хозяйка! – она сделала властный жест, заставив сына замолчать. С милой улыбкой обратилась к притихшему Каховскому. – Все, любезный Петр Григорьевич, извольте пройти в столовую, там уже накрыт стол.

Да, матушка у Павла Ивановича оказалась особой весьма впечатляющей. Чтобы не расстраивать старушку и не ставить в неловкое положение ее покрасневшего сына, пришлось идти к ужину.

По мнению Петра Григорьевича (за поездку успешного изрядно поломать голову над новой, но внезапно оказавшейся важной для него материей), семьи встречаются разные. Каждая из коих принимает в качестве основного принципа общения свой «политический режим».

Будь то демократия, где супруги равноправно совещаются в том или ином вопросе (от цвета мебели в детской до размера приданого дочери), порой доходя до абсурда и не забывая о мнении друзей семьи, детей, гувернеров, слуг, а также любимых попугаев. Есть и другие, вполне уважаемые в обществе семьи, в которых правит анархия. В них иногда в качестве доводов в ход идет битый фамильный хрусталь или фарфор с одной стороны и презрительное продувание семейных накоплений за зеленым сукном – с другой. В обществе встречаются даже такие супруги, которые добровольно живут по принципу республиканского правления, но такой взгляд на дела семейные Пьер считал и вовсе недопустимым – ведь республика подразумевает правление на определенный, строго ограниченный срок, что в семье привело бы к разводу.

А есть и такие семьи, как эта.

Как ни странно, но семья бывшего сибирского генерал-губернатора и тайного советника Ивана Пестеля вовсе не изнывала под властной диктатурой статной старушки. Это семейство страдало (или наслаждалось – тут вопрос спорный!) под жесткой тиранией. И тираном являлся не опальный сенатор, не держащая его под острым каблучком жена, и даже не любимый до обожествления старший сын. Тираном оказалась четырнадцатилетняя дочь, младшая и долгожданная девочка, Софья.

Только мнение этой юной особы играло в сем странном семействе роль. Ее, открыв рот, слушали за ужином все. Лишь ради соблюдения приличий это создание сначала скромно краснело и потупляло взор, но не прошло и пяти минут, как девушка взяла нить разговора за общим столом в свои цепкие ручки и уже не отпускала до окончания трапезы.

Ей было все равно, с кем говорить: с отцом – уставшим и угрюмым, с матерью – пытавшей показать себя перед гостем с лучшей стороны (что только усиливало неприятные моменты от ее навязчивого внимания), с гувернанткой, мрачно жевавшей шпинат и не проронившей ни слова, или даже с посторонним человеком. Для Софии Ивановны главное было – о чем говорить; вернее, о ком. Тема у мадемуазель Пестель была одна-единственная, но неисчерпаемая – ее любимый брат Поль.

В восторге сияя глазами и щедро перемежая французскую речь русскими и немецкими оборотами, Софья Ивановна поведала о героизме великого Павла Пестеля на Бородинском поле. О том, как он совершил некий подвиг, за который впоследствии получил золотую шпагу (какой именно подвиг – юная рассказчица не уточнила. Наверное, сама толком не знала).

Девушка рассказала, как брата, тяжело раненного и лишеного чувств, увезли в неизвестное селение. О том, как бедный Поль, еще совсем молоденький юноша, будучи ослабленным и неспособным даже держать перо, не мог сообщить родственникам, что не погиб в бою, а выжил. О том, как его батюшка (здесь Софья привела не слишком благозвучный, но очень

точный русский оборот) «поставил на уши» тех сильных мира сего, кто вряд ли сейчас так беспокоился бы о простом полковнике. Сам Аракчеев по приказу государя искал Павла Пестеля несколько месяцев. И нашел-таки!

– Солнце мое, довольно петь мне оды. Право, я их не заслуживаю, – тихо сказал Павел Иванович, прервав рассказ на самом интересном месте, и накрыл своей широкой ладонью маленькие ручки сестры. – Да и вряд ли твой рассказ произведет впечатление на нашего гостя.

Пьер хотел было опровергнуть слова полковника, но София Ивановна его опередила, одной лишь фразой показав, кто в доме хозяин:

– Поль! Я знаю, что делаю! Этот молодой человек – штатский, значит, он тебе не подчиняется. Поэтому он без зазрения совести может поведать эту историю, и никто не упрекнет его в излишнем подобоострастии к начальнику. А так как этот юноша привлекателен, хоть, конечно, и немного хмур, то он, весьма вероятно, общается в обществе с молодыми дамами из столицы. Он расскажет о твоём героизме этим дамам...

– Софи! – прошипела через стол мадам Пестель. – Негоже говорить о присутствующем в третьем лице!

Павел Иванович лишь поднял глаза к небу и что-то прошептал. Потом, будто очнувшись, сказал сестре:

– Милая, не стоит тебе забивать свою прелестную головку этими идеями. Знаю, ты поставила перед собой цель женить меня во что бы то ни стало, но позволь, я сам решу этот вопрос. Договорились, душа моя?

Он встал, поцеловал насупившуюся сестру и пригласил Каховского прогуляться до конюшни, объездить новоприобретенную лошадь.

* * *

Как-то утором Софья вышла в сад – покормить лебедей в дядюшкином пруду и поутреннему взбодриться. Она завела эту привычку почти сразу по приезду в деревню, это была единственная возможность побыть одной: без служанок, надоедливых воспитательниц и без насильно навязанной ей в подруги Катерины Петровны. Побыть одной и вдоволь намечтаться.

Любая, хоть сколько-нибудь уважающая себя барышня, обязана быть мечтательницей, вести дневник и шептаться о сердечных тайнах со своей подругой. Именно так, по пунктам – мечтания, дневник, сердечные тайны. Безусловно, Софи уважала себя. Но так как в душе все же не находила полного доверия к Катерине, то со старой девой шептаться не решалась. По этой же причине она была вынуждена не вести дневник (вдруг кто прочтет), а писать своей подруге по пансиону Александре Семеновой, человеку надежному и умеющему в трудный момент подсказать что-то дельное.

А ситуация в последнее время стала не из легких. Стала именно такой, в которой без совета и дружеской поддержки просто не выжить. Софи запуталась.

Казалось бы, как это легко – вскружить голову скучающему в деревне повесе! Расслабленные деревенские нравы, нестрогий этикет, отсутствие городских, неискренних в своей сути, паркетных расшаркиваний – свобода! И барышне развлечение, и юноша доволен.

Но как-то неожиданно случилось так, что голова искушенной разбивательницы сердец тоже не устояла на своих плечиках. И теперь кружится при мимолетном взгляде в сторону того, кто раньше столь презрительно был назван «объектом». Видя, как несчастный плывет от любви, как радостно загораются его глаза при ее появлении, девушка сама начала чувствовать предательскую слабость в коленях. Почему-то ее кидало то в жар, то в холод, а завивка с локонов моментально спадала. По суровому приговору подруги Александры, коли локоны развиваются, то жди беды – на пороге нештучная страсть.

Подойдя к небольшому пруду, окаймленному листьями кувшинок, девушка искала глазами прикормленную пару лебедей – птиц нигде не было. Решив подождать прожорливых пернатых, Софи села прямо на покрытую росой траву, положила рядом захваченный из кладовой каравай – птицы предпочитали сдобу – и вытащила из-за корсажа таинственную книгу.

Довольно старый (издания середины прошлого столетия) и изрядно потрепанный томик на французском языке. Это была небольшая, легко укладывающаяся в ладонь красно-коричневая книжица, с удивительно приятной на ощупь обложкой и крепким переплетом – «Переписка Абеяра и Элоизы». Софи давно слышала про это произведение (в пансионе о нем лишь шептались), но у дядюшки в библиотеке его не было. А строгий отец ни под каким предлогом не разрешил бы дочери читать подобную литературу – слишком уж она предосудительна для юной благовоспитанной барышни.

Но, как известно, запретный плод сладок, а плод, таинственным образом попавший юной барышне прямо под подушку, сладок вдвойне.

Вчера Софи до ночи писала письмо Александре, на двенадцатом листке вымоталась, затушила свечу и легла в кровать. И тут, сладко потянувшись и обняв свою подушку, нащупала этот томик. Ни горничная, ни тетя, ни Катерина, ни одна из служанок не могли подложить книжку в постель, это точно. Подумать только – кто-то был в ее комнате уже после того, как кровать расстелили! Как раз в это время Софи, раздетая, в одном пеньюаре, с рассыпанными по плечам волосами, писала за столом у окна. Сидя спиной к кровати и слыша лишь тихий скрип пера, она не заметила, как за ее спиной кто-то пробрался в комнату и засунул руку в шелк расстеленной постели.

И, судя по всему, этот кто-то Софии известен... Но как он посмел?! Он видел ее такой неприбранной! Скомпрометировать барышню в ее собственном доме – каково? Хотя, незачем строить из себя ханжу – никого за руку не поймали, поди, докажи, что это был именно Пьер, а не дядюшка, известный шутник и любитель розыгрышей.

Но все равно, любопытно, с какой целью подложили книгу?

Софи открыла томик наугад и прочитала: *«...Слово «жена» может звучать почетно, достойно, даже свято, но ближе мне всегда были иные названия – любовница, дама сердца, наложница, содержанка, даже шлюха, если позволишь. Я верила, что чем более я смирюсь перед тобою, тем больше угрозу тебе, и тем меньше вреда нанесу твоему положению...»* Да уж, действительно, весьма любопытно для благовоспитанной барышни... Девушка с интересом зашелестела хрупкими страницами.

– Я знал, что вы заинтересуетесь, – раздался тихий голос прямо над ухом.

От неожиданности Софи охнула и дернулась – книга упала на траву, из нее вывалилась ранее незамеченная закладка. Оказывается, пока она была погружена в переписку двух средневековых влюбленных, Каховский подкрался сзади, сел рядом и тихо наблюдал за ней.

Софи вскочила, изобразив оскорбленную добродетель, возмущенно воскликнула:

– Петр Григорьевич! Да как вы посмели?! Вы пробрались в мои покои, вторглись в мою приватность – вы оскорбили меня!

И сейчас, да, сейчас вы совершенно непозволительно... Совершенно бессовестно...

Но ее спектакль не произвел на него впечатления – все так же сидя на траве и смотря снизу вверх, он с доброй улыбкой покачал головой:

– Не-ет, Софья Михайловна, вы не такая, не изображайте, – тихо проговорил он. – Не делайте так, это, право, не к лицу вам.

– Что?.. – булькнула Соня, в растерянности позабыв о своем возмущении.

Пьер встал, подобрал книгу, протянул ее девушке. Покрывшись румянцем, взглянул на вырез ее платья и тут же отвел взгляд.

– Спрячьте хм... туда, откуда вытащили. После прочтете. Эту переписку следует читать не торопясь, обдумывая и проникая в каждую фразу. Двое возлюбленных, насильственно раз-

лученных глупым, полным предрассудков обществом. Прочтите, если что-то будет непонятно, я готов с вами обсудить... То есть, пояснить...

Софи вдруг поняла, что она наедине с человеком, от которого исходит нечто, заставляющее ее забывать нормы поведения и этикета, все, какие только можно представить. Взяв себя в руки, она грозно взглянула на своего визави:

– Петр Григорьевич, вы... вы смущаете меня. Объяснитесь, кто дал вам право так со мной обходиться? Вы как разбойник среди ночи проникли в мою комнату, боже, вы видели меня...

Каховский замахал руками и ожесточенно затараторил:

– Софья Михайловна, нет-нет, не думайте ничего такого! Я специально не глядел в вашу сторону! Даже зажмурился и потому стукнулся лбом о столб балдахина у вашей... вашей постели. Даю слово чести, я не хотел пугать или смущать вас! Ни в коем случае! Просто, зная вас, я понял, что заинтересовать этой потрясающей книгой смогу лишь подобным образом – тайно подкинув туда, где никто, кроме вас, не сможет ее найти.

– Зная меня? Откуда вы знаете меня, Пьер? Мы с вами общались лишь несколько раз, у вас не было возможности познакомиться и составить хоть какое-то представление на мой счет!

Каховский подошел поближе, нервно сглотнув, взял ее ручку и прижался к ней губами. Сквозь вздохи Софи сумела разобрать шепот:

– Я узнал о вас все, как только увидел... Софья Михайловна, вы – тот человек, который смог изменить меня до неузнаваемости...

Девушка снизу вверх заглянула в его лицо – странно, оно отчего-то было мокрым... От слез?

– Пьер... Вам было больно? – прошептала она. Каховский непонимающе изогнул бровь, девушке пришлось с улыбкой пояснить: – Вы стукнулись лбом... Ну, там, у меня в комнате...

Его лицо расплылось в улыбке, отодвинув прядь черных кудрей, Каховский показал девушке внушительную ссадину на половину лба, поджившую за ночь.

– Боевое ранение в голову – это пустяк, Софья Михайловна. Не сравнить с тем, что переживает мое... сердце. Оно в ваших руках...

Сверху раздался звук сильных хлопающих крыльев и два лебедя спустились на воду, вернув тем самым Софи на землю. Выдернув свои руки из горячих ладоней Пьера, она отвернулась и, как ни в чем не бывало, принялась кидать в воду куски хлеба. С грациозностью, присущей лишь лебедям, птицы подплыли ближе и жадно принялись за трапезу.

– Друг мой, – веселым тоном сказала девушка, – интересно, отчего же я не слышала грохота или хотя бы стука за своей спиной?

– Вероятно, вы были слишком заняты, ведь вы писали. Думаю, это был дневник.

– Это было письмо. Все же вы смотрели на меня, Пьер, коли говорите, что видели, как я пишу.

– Слышал скрип пера. Софья Михайловна, нам нужно возвращаться, скоро будут звать к завтраку. Я провожу вас, а у входа мы сделаем вид, что случайно встретились на утренней прогулке. И еще... Позвольте мне с вами иногда гулять по утрам, мне это необходимо, как... в общем, мне это нужно. Прошу, позвольте. Обещаю, я больше не сделаю ничего, что могло бы скомпрометировать вас!

Они молча пошли по саду, Каховский шел, чуть отстав, и Софи чувствовала на своем шее его пристальный взгляд. Уже перед домом она с улыбкой спросила:

– А откуда вы узнали, где я обычно гуляю?

Пьер расплылся в коварной усмешке. Подкрутив ус, он хохотнул:

– Ничего сложного, я выпытал это у Катерины Петровны. Но не беспокойтесь, она будет нема как рыба.

– Выпытали?! Эта сонная курица хотя бы жива?

– Жива. А то, что вы не слышали ее криков, говорит о моем неоспоримом таланте в этой области.

– Что же вы сделали, чтобы она выдала мой секрет? – расхохоталась Соня.

Каховский не ответил, он улыбнулся, официально поцеловав ей ручку, галантно пропустил вперед. На втором этаже шевельнулась портьера, и мелькнуло встревоженное лицо тетушки.

* * *

До сих пор, все свои двадцать пять лет, Петр Григорьевич считал себя неудачником – с Фортуной он был в разводе. Имея на редкость угрюмый нрав, с людьми он сходилась с величайшим трудом, зачастую силой заставляя себя делать так, чтобы понравиться или хотя бы не прослыть в обществе отъявленным мерзавцем.

От отца ему досталась крошечное вымороченное имение здесь же, недалеко от Смоленска. Принадлежавших Каховским крестьян (всего-то тридцать душ) Пьер освободил сразу же, как вступил в наследство. Из родственников у него остался лишь живущий в Москве младший брат – с Пьером он был на ножах – да кузина, семья которой так по-доброму отнеслась к изгою.

Постоянного дохода у молодого человека не было, были лишь долги, от которых он избавлялся, залезая в новые. Чтобы поправить свое положение, Каховский начал играть – масть в руки не пошла, долги увеличились. Устроившись на военную службу, он дослужился до подпоручика лейб-гвардии, но постоянные пьянки, дебоши и, наконец, пикантная история с одной дамой (женой того, кого не следовало оскорблять) привели его к дуэли, позорному разжалованию в солдаты и ссылке на Кавказ.

Там, махнув рукой на собственную безопасность, Каховский внезапно отличился исключительной храбростью, что и позволило достаточно быстро вернуть себе эполеты и звание. Но судьба в очередной раз вильнула хвостом и послала то, что вновь смешало его карты – шальную пулю. Глупое ранение в филейную часть ноги взбесило Каховского: без повода он перессорился со всеми офицерами, пришедшими в лазарет по-дружески поддержать его, и подал в отставку.

И так – без денег, без друзей, имея лишь шрам, которым особенно не похвастаешь, он попал в Одессу. Там Каховскому впервые повезло – он оказался на званом вечере у Воронцовых, где познакомился с опальным поэтом Пушкиным (делающим вид, что работает в канцелярии генерал-губернатора, а на самом деле бессовестно волочившимся за его женой). Повезло не в том смысле, что познакомился со свободолобивым повесой, а в том, что встретился с самим Воронцовым, пообещавшим ему место в своей канцелярии. Судя по всему, Пушкиным он был недоволен (неудивительно!). «Сразу же, как залечите свои раны, друг мой, – напишите мне, мы что-нибудь придумаем!» – пообещал тогда генерал-губернатор, явно намекая на место поэта, которое в ближайшее время должно будет освободиться.

Окрыленный Каховский вновь занял денег и беззаботно отправился на воды за границу. Побывал в Польше, Италии, и даже случайно попал в самое пекло греческой революции. Снова едва не схлопотав пулю, решился дожидаться своего назначения в более безопасном (и, к тому же, более дешевом) месте – у себя в деревне. Вернулся под Смоленск, заехал с визитом вежливости к кузине и... умер.

Случилось это досадное недоразумение в момент, когда он увидел Софью Михайловну Салтыкову. Прежний Каховский умер, но возродился новый.

Человек, всю сознательную жизнь прошедший в мрачной неудовлетворенности, не видящий вокруг себя ничего светлого и ничего хорошего – ни друзей, ни женской ласки, ни удачной карьеры – именно такой человек влюбился с первого взгляда в барышню, юную, почти девочку!

Пьер вначале даже испугался, до того неожиданно перевернулся его мир. Разумеется, в своем возрасте он уже имел опыт общения с женщинами, и весьма разнообразный, но даже

и предполагать не мог, что может испытывать подобные чувства. Столь сильная, просто умопомрачительная тяга к другому существу была новой для этого опустошенного человека. Двадцать пять лет чувствовать себя стариком, чтобы однажды понять, что ты молодой, живой, полный сил и страстной любви – каково?!

Она не была простой кокеткой, он чувствовал это. В Софье Михайловне все было особенным: и ее походка, и смех, и движения, и взгляды, и даже то, как она молча о чем-то думала. Пьер, лишь увидев это нежное существо, почувствовал, что земля уходит из-под ног в самом буквальном смысле. И только после он понял, что при взгляде на девушку попросту забыл, как дышать!

Звериная страсть и желание одолевали его при одном лишь появлении этой феи, но больше всего его удивляло новое для себя ощущение – трепетная нежность к Софье Михайловне. К Сонечке, как он называл ее про себя.

В первую же ночь после сотрясения основ мира Каховский понял, что Сонечка – его женщина, его вторая половина. Что без обладания этой девушкой он не сможет жить, как бы банально это ни звучало. И что ее нужно завоевать – приручить к себе, привязать и держать крепко-крепко, так, чтобы у нее и мысли не возникало посмотреть в сторону. Решение этой проблемы оказалось простым, как все гениальное – он женится на Софье Михайловне.

Здраво рассудив, что без женитьбы не обойтись, он взялся за дело. Для начала, узнав, что по натуре девушка – резвая хохотушка, он принялся по любому поводу смешить ее. Благо рядом был вполне приемлемый объект для насмешек – блаженная Катерина Петровна. Софи оживилась, стала реагировать на Пьера и, весело хихикая, обращать на него такие взоры, от которых у бедняги порой мутилось в глазах, а пульс превышал все мыслимые пределы.

Далее он решил, что пришла пора немного раскрепостить ее. Нет, ничего распутного у него и в мыслях не было! Просто в данный момент необходимо было дать толчок, повод для раскрытия чувственности у этой, еще не знающей себе истинную цену, красавицы. Он решил подкинуть ей в постель книгу.

И тут Каховский едва не дал промашку. Подкараулив тот момент, когда горничная вышла из спальни Софьи, он тенью прошмыгнул в комнату и замер за портьерой. Девушка сидела к нему спиной и при свете свечи что-то писала. Подложив под себя ноги (боже, из-под кружевной сорочки виднелись розовые босые ступни, крошечные, как у ребенка!) и в задумчивости покусывая кончик пера, она что-то недовольно бормотала. Резким движением скомкала лист, кинула за спину. Комок бумаги упал прямо перед Каховским, заставив его нервно глотнуть и с перекошенным лицом замереть соляным столбом. Если бы в этот момент Софья Михайловна обернулась, она подняла бы визг на весь дом не из-за того, что в ее комнате посторонний мужчина, а только из-за его страшного лица.

Но девушка совершила нечто более коварное – она лишь откинула за спину распущенные волосы, показав из выреза ночной рубашки круглое белое плечико. Пьер едва не застонал. Нет, этой девушке нет необходимости будить женственность – чувственность в ней и так была ключом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.